

ПРОШЛОЕ СТУЧИТСЯ В НАСТОЯЩЕЕ

Мирза Ибрагимов (1911-1993) – фигура объёмная в истории СССР, советского Азербайджана, азербайджанской культуры и, к счастью, редкостно положительная для своего времени по меркам этических, так сказать, заповедей, норм, и это при том, что Мирза Ибрагимов, рано и успешно начавший писательскую деятельность, был с молодых лет, в 26! депутатом В/Совета СССР почти всех – редчайший случай – созывов, носил, в 36! высокий научный титул Академика, занимал пост президента республики, не раз возглавлял Союз писателей Азербайджана, – всех должностей и, естественно, почестей не перечесать, да и непосильная это работа, так что я, помимо приведённых здесь нескольких писем ко мне Мирзы Ибрагимова, решил предложить вниманию читателей малую-малую толику штришков к его облику.

Замечу тут же, что я не раз бывал в гостях у Мирзы Аждаровича, однажды по дороге на дачу, куда он меня пригласил, – песчаный берег, чистые воды Каспия, рыбаки... – рассказал о своем прошлом: про техникум имени Лассалья, где учился; про английских солдат-индусов, они жили в бараках, «Ты мусульманин?» – спрашивали. «Да». И они кормили пловом их, голодных ребят.

Мирза Аждарович бывал (и с женой Сарой-ханым) у нас в Москве и, возвращаясь в Баку, всегда оставлял у нас дома свой чайный сервиз: любил, живя в гостинице, заваривать особым способом чай, – по долгу дружбы я приносил ему его «движимое имущество», как он называл свой чайник, стакан-подстаканник, ложку-нож, – такая деталь.

... Маститые наши писатели, приезжая в 50-70-е годы в Москву, считали как бы долгом рассказывать мне, литературному их полпреду, каковым, очевидно, видели меня, психологию деспотизма – модная тема тех лет, увы, актуальная и сегодня – имея при этом в виду знаменитого Мир-Джафара Багирова, азербайджанского Сталина + Берия в одном лице, ведь долгие годы непосредственно контактировали с ним, несменяемым, вольным, как говорится, казнить или миловать, а это общение, даже в воображении, – как соединить оголённые провода: так ударит током, что испепелишься вмиг... Поделишься, выскажешься и, глядишь, полегчает на душе.

Рассказы эти не содержали прямого осуждения деяний М.-Дж. Багирова, лишь констатация, даже как-то Мирза Ибрагимов заметил, признак объективности? что – записи мои дневниковые – «Багиров радел за престиж азербайджанской культуры», мол, «лично» настоял на Сталинской премии для Сулеймана Рустама за цикл «Два берега». Думается, не без участия Первого лица заветную тогда эту премию получили и поэмы «Над небом Ленинграда» Мамед-Рагима и «Ленин» Расула Рзы, роман «Абшерон» Мехти Гусейна, здесь не исключение и роман самого Мирзы Ибрагимова «Наступит день» со славной по сей день темой, тогда более реальной, а ныне – иллюзорной, единения Северного российского и Южного иранского Азербайджанов, эта идея всю жизнь грела Мирзу Ибрагимова... – но игры фортуны непредсказуемы: кто мог подумать, что русское государство, которое складывалось более чем за триста лет, рухнет, точнее, будет разрушено при непосредственном участии самого же титульного этноса, менее чем за три дня?

... Экскурс в мои далёкие 40-50-е гг, соскок в наши дни, загляд в утопическое будущее. Копились во мне крупница за крупницей знания, запомнил, как в ереванской спецшколе каждую ночь – год был 1944 – стены и потолок комнаты с выбитыми стёклами в многоэтажном общежитии прорезались блуждающими лучами фар ревущих американских студебеккеров: с грохотом, тяжело и натужно шли, крытые брезентом, по крутому серпантину дороги, ведущей из Еревана в Иран, север которого, или Южный Азербайджан, был оккупирован нашими войсками, и там верховодило на правах иранской автономии «Азербайджанское демократическое правительство». Экспансия осуществлялась для расширения нашенских стран («экспорт революции»), с дальним прицелом, по «строго-секретному» документу, «инициировать в северных областях Ирана движение за отделение», а далее – проникнуть в Турцию... Впоследствии «великие державы» оговаривали, что советские войска покинут Иран через полгода после победы, но мы медлили, и после какого-то времени Трумэн – США успели уже взорвать две атомные бомбы, а у нас ничего – ультимативно потребовал вывести войска из Ирана, что мы и были вынуждены сделать, и по мере вывода наших войск в провинцию вводились иранские войска... – вождь демократических сил Пишевари ежедневно слал телеграммы в Баку: «Помогите! Реакция наглет! Террор!» Дали знать Сталину – про последний вопль отчаяния тоже: «Я вам больше не верю!».

Зафиксировал рассказ Мирзы Ибрагимова, как в три часа ночи его вызвали в числе приближённых на квартиру к Багирову, хозяин встретил послушную элиту в пижаме. «Только что, – сказал встревоженно, – я говорил со Сталиным (о, эта сталинская бессонница!..). Он спросил: «Вы за мир или войну? Мы воевать не можем. Нас втягивают в авантюру. Поступайте, как подсказывает совесть партийца». То есть: вывести войска из Ирана, никаких обсуждений».

И хлынул к нам поток беженцев, тысячи обманутых социалистической пропагандой южных азербайджанцев, спасаясь от гибели... Накануне всё складывалось в пользу новой «автономной власти»: 3 сентября 1945 года Пишевари опубликовал в

Тегеране и Тебризе воззвание к народу, и одним из лозунгов был: «Да здравствует Мир-Джафар Багиров – отец единого Азербайджана!» Вскоре после эмиграции в СССР Пишевари, которого, как Багирова, звали Мир-Джафаром (но часто именовали Сеид-Джафаром, замена «Мир» на «Сеид» допустима: то и другое – принадлежность к роду пророка Мухаммеда) погиб при загадочных обстоятельствах в автомобильной аварии близ Гянджи вечером 3 июля 1947-го года, ходили слухи (в подтверждение крылатого азербайджанского выражения: «Не могут в одном котле вариться две бараньи головы»), что убийство – дело рук Багирова и кэгебе: неугомонный Пишевари доставлял много неудобств.

Вспоминаю своё выступление в феврале 2004 г. на съезде азербайджанцев мира в Кёльне в ответ на крикливую критику царизма, де, он разрезал Азербайджан надвое... «Критиковать Россию надо не за то, что она присоединила Северный Азербайджан, – заметил я, – а за то, что, захватив в войне с Ираном и Южный Азербайджан, дойдя аж до Тегерана, довольствовалась контрибуцией шаха и северными землями; захвати она весь Азербайджан, мы б имели, пройдя через революцию и распад СССР, большой независимый Азербайджан, никто б не посмел пойти войной против нас, не было бы и нынешнего конгресса, собранного из беженцев-азербайджанцев как из Ирана в результате политического их исхода, так и экономического в смеси с политическим из Азербайджана».

... Мой земляк-сосед по Баку Али Туран (в войну был в плену, сумел перебраться после победы в Турцию) поведал мне в Стамбуле, когда в 1969-м я ездил туда, такое везение выпало мне, что, услышав об угрозе Америки, он тотчас заспешил к Мамед-Эмину, опальному лидеру Азербайджанской демреспублики 1918-1920-го годов, и восторженно ему заявил: «Трумэн утёр Сталину нос, велит убраться из Иранского Азербайджана, не то сбросит на Москву атомную бомбу». Мамед-Эмин озадачил его: «Не радоваться надо – плакать, – и пояснил: – Дело шло к объединению Азербайджана, разделенного царем и шахом на Северный, тут три миллиона, и Южный, а здесь – пять [ныне иные цифры: за десять и тридцать], и если б не ультиматум, – Мамед-Эмин часто-часто задышал, астма замучила, – то Азербайджан стал бы большим единым государством, советская империя не вечна». Тут он бы мог вспомнить, критически настроенный к тому, что в Азербайджане творилось (не откажешь в дальновидности), как Ататюрк сказал ему: «Ничего не добьётесь, деля нацию на бакинцев, гянджинцев, гарабахцев, нахчыванцев... Мы запретили племенные наименования, все мы турки, это закреплено в конституции».

В книге «Мой отец Берия» Серго (назван в честь Орджоникидзе) пишет, что М.-Дж.Багиров, «как вспоминал отец», мечтал о создании «великого Азербайджана», и «отец гневно распекал Багирова, что, де, хочет из-за крошечной земли превратить Иран в нашего врага». Тогда вполне понятно желание Сталина помешать реализации идеи, убрав Пишевари. Очевидец вспоминает: осенью 1945-го Багиров встретил в приёмной Сталина Берию и Микояна, они «поздравили со скорым расширением территории за счёт Юга», мол, тогда Багиров расщедрится и подарит Нагорный Гарабах Армении (мечта Микояна), а Балакен и Закаталы – Грузии (мечта Берии).

«Хозяин» республики, будучи вспыльчивым, часто распалялся, входя в раж, громил всех и каждого, случалось – выбирал объект для порки и обрушивал на него обвинения в смертных грехах: измене, двуличии, вероломстве... – все терпеливо ждали, не смея пикнуть, но и зная, что выпустит пар, успокоится. Но наступал момент, когда молчать долее нельзя, и тут, точно существовал негласный сговор с ним, находился смельчак, и он на свой страх и риск вдруг предлагал, мол, «человека, так

вас расстроившего, мало ругать, его надо расстрелять». И тогда случалось неожиданное: тиран прерывал тираду и, якобы выказывая человеколюбие, злорадно говорил, обращаясь к виновнику: «Слышите, что предлагает ваш коллега, а я прощаю!..»

Любил, копируя Сталина, посеять среди подданных интригу, крепко их припугнуть, выгодно выглядеть самому. Так случилось, по рассказу Мирзы Ибрагимова, со знаменитым певцом Гусейнагой Гаджибабабековым – обсуждали какой-то его проступок, и Ордубади, писатель ранга «классика», репликой: «Его расстрелять надо!» – сбил с Багирова пыл, и певец был прощён. Так спасли и Сабита Рахмана: пожалел группу беженцев, снабдил деньгами, а среди них оказался «предатель» (мнимый?): «Пожалел?! – кричал Багиров. – Помогал?!» И пошло-поехало.

Мирза Ибрагимов однажды посмел «спорить» с ним. В моих записях: «На сессии В/Совета СССР в 1937-м мы были вместе, я высказался против перегибов, что есть у нас поговорка: «Мярди гова-гова...» [смысл: можно так загнать мужественного человека, что он превратится в немужественного, в ничтожество]. Багиров перебил, поправил меня: «Намырди гова-гова!» [т.е. «Если загнать труса...»]. Но в таком случае, сказал я ему, бессмыслица получается. И тут кто-то мне в бок, мол, не спорь! Потом, после перерыва, спрашиваю у него: «Почему МингечаурГЭС не строится?» Тогда в среде интеллигенции это горячо обсуждалось: есть РионГЭС у грузин! Рассвирепел, набросился на меня: «Откуда у тебя такие мысли? Это идея отъявленных националистов». А в 1943-м сам выдвинул идею МингечаурГЭСа».

Мехти Гусейн тоже рассказывал... – дело в том, что в трёх его романах выведен «хозяин»: в премированном «Абшероне» – это положительный герой Асланов, а в «Черных камнях» и «Подземных водах, текущих в море» он же – зловещий Моллаев... Была – на короткое время – оттепель, всем со всеми можно было, не таясь, откровенничать, и Мехти, как и я, недоумевал: Багиров к моменту его расстрела был из тех редких деятелей, который имел несметное число орденов Ленина, кажется, восемь. А выдвинулся... – тут уже рассказ Мехти: до революции Багиров был главарём бандитской шайки, назвалась потом «революционной дружиной», и воевал с другими бандитами, а чтобы усилиться и суметь расправиться с «врагами», примкнул к большевикам. Тогда выработал методы борьбы: собирал на сходку главарей, вероломно их разоружал, возил по деревням и расстреливал на виду у всех... На суде Берии якобы кто-то из свидетелей, хорошо знавший старшего брата Багирова, сказал, что Мир-Джафар – именно тот, слыл авторитетом в Кубе, а брат убил, взяв его популярное имя (!?).

Была у «хозяина» привычка: если на кого зол, обращался к нему «господин». И к Мехти обратился так, когда республикам была дана команда в свете постановления ЦК от 1946-го о журналах «Звезда» и «Ленинград» найти «своих» «блудниц»-ахматовых и «пошляков»-зошенок для избиения, и выбор пал на Мехти за «уход от современности в историческое прошлое» – сочинил драму «Джеваншир».

Но были люди, которые с Багировым воевали, – работая над «Чёрными скалами», Мехти, допущенный в архив, нашёл там, как Джуварлинский бросил Багирову в лицо: «Я воюю с тобой, а не с партией!» А критик Мустафа Кулиев при Мехти сказал Багирову: «Какой ты вождь? Элементарный начальник милиции!» Султан-Меджид Эфендиев говорил Багирову: «Меня так легко не съешь!» «Наивный, – заметил Мехти, – ещё как съел, не подавился».

Глазами других... Восхищённо о Мир-Джафаре Али-Аббасовиче говорила в Баку мама моего друга Гриши Гомельского Фрима Борисовна, личная его стенографистка: что был внимателен, добр, отзывчив, «остановит уборщицу и долго говорит с нею – в чём нуждается? чем помочь?» Да-с, демократ!..

В оценках кое-кого из бывших высокопоставленных, которые работали бок-о-бок с Багировым, в частности, Виталия Юнусовича Самедова, я улавливал эмоционально доброе к «хозяину» отношение, а негативные оценки зачастую были рассудочные, как бы, «так надо». Самедову принадлежат крылатые слова, сказанные с высокой трибуны на все нашенские времена: «Нас губят три вещи: коварство, мстительность и невосприимчивость». Что ж, вполне приемлемо: важно, конечно, быть объективным, но чтобы при этом та или иная чаша, в одной – деяния добрые, в другой – дьявольские, не перевешивала, увы, не избежать при этом субъективности в оценках. «Берия? – вдруг задал В.Ю. себе вопрос, всё ещё его волнует. – Сын его неправду пишет: де, арестовав, тут же убили. Особое судебное присутствие было, возглавлял маршал Конев, «маршала мог судить только маршал», неделю шёл... – он отказывался, но Хрущёв настоял». «Он был, – продолжал В.Ю., – большой организатор, с ним связано рождение атомной бомбы, реактивных двигателей, водородной бомбы, его идея была: гениальных учёных изолировать, чтоб не просочилась ни одна информация, чем они занимаются, по форме – ГУЛАГ, по содержанию – идеальная жизнь и условия для работы. Именно он закрыл «дело врачей». Член суда Джавахишвили, предсовмина Грузии, сначала защищал Берию, де, не сможет вернуться в Грузию, а узнав, что в списке девиц на вызов значилась и его племянница, записную книжку нашли в кармане помощника Берии, стал ярым его противником, требовал расстрела. Берия просил в заключительном слове: понимает, что суд политический, но «вы знаете мои задатки организатора, сохраните жизнь, используйте опыт». Расстрел был предreshён...». Да, Берия был «Почётным гражданином Советского Союза», имел личного астролога с юности, некто Будиани, доктор-психиатр, иллюзионист, помогал выуживать признания у арестованных в ЗакЧК, от него он узнал и о Нострадамусе, Сведенборге тоже, да, спиритизм, астрология, оккультизм. «Да кто спорит? – уловил мой скепсис: мол, чего ждать от него, сподвижника Багирова? – Нельзя ему простить убийство многих честных коммунистов, – называет Султан-Меджида Эфендиева, предЦИК ЗСФСР; Гусейнова Мирзу Давуда, 1-го секретаря ЦК Таджикистана, – отозвал и его, и Левона Мирзояна (хорошо говорил о нём, авантюристе: Нариманова травил!..), любимца бакинских рабочих, Сталин его ценил как прекрасного организатора, он был 1-м секретарём ЦК Компартии Казахстана. Азербайджан помогал республикам, туго у них было с местными кадрами. Ещё одну жертву назвал Самедов, кто «повторил подвиг матроса Железняка: вошёл в Парламент, когда Красная армия вторглась в Азербайджан, и сказал: Кончилась ваша власть! – Как можно было такого человека, как тёзка твой, Чингиз Ильдым, казнить?!» И, помолчав: «Багиров, между прочим, потом резко выступал, да и не он один, против пыток». «Насытившись?» – заметил я. Улыбнулся: «Можно и так трактовать».

К слову сказать, шифрограмма (шедевр жанра!) послана за подписью секретаря ЦК ВКП(б) Сталина секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД 10/1/1939 (в мои десять лет и прочитана мной в мои почти восемьдесят): «Опыт показал, – сказано вождём, – что установка [выбивать показания под пыткой] дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа. Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата, и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманной в отношении агентов буржуазии, врагов... ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь».

... В аспирантские мои годы я, уже женатый, семьянин, подрабатывал переводами судебных дел в Прокуратуре СССР, и однажды вручили мне увесистый том, корявые на азербайджанском записи от руки, материалы суда над сестрой Багирова Сеид-Фатьмой: она десятки лет не платила за свет-воду-газ-телефон, точнее, коммунальные службы из страха не присылали квитанции, а как осудили Багирова – тотчас предъявили огромный счёт, началось судебное разбирательство. «Но с чего платить было?» Говорилось о её повадках «хозяйки»: на базаре брала, что понравится, и тоже ни за что не платила – кто б со страху заикнулся об оплате? Суд она, естественно, выиграла.

Я помню сына Багирова, года на три моложе меня, звали его Джен: ранец на спине, голова опущена, робок, согбен, кажется, не от тяжести книг-тетрадей, а давит ноша отцовской ответственности... – живя в Москве, Джен пытался при Брежневе добиться реабилитации отца (при Хрущёве был исключён как сын «врага народа» из Военно-воздушной академии имени Жуковского, – закончил автодорожный институт), стал доктором технических наук по машиностроению, а пока учился, есть такой миф, кто-то, для кого М.-Дж. оставался кумиром, помогал семье: каждое воскресенье подкладывали к их дверям сумку с продуктами.

Как-то передали мне: Джен желает поговорить со мной, «писателем». Я со встречей тянул, во мне боролись обывательское любопытство и политическая безразличность, что ли, пока не узнал, что он, бедняга, умер в году, кажется, 1996-м (до того потеряв сына, которого назвал Мир-Джафаром в честь отца: был спортсменом, погиб в Индии). Возникло, не скрою, сожаление, что не свиделись – висел у него на квартире, занимая полстены, большой портрет отца в очках и с усиками. Но сегодня даже рад, что не поговорили: о чём?.. И благодарен судьбе за то, что в оттепельные годы не разрешили мне ознакомиться с материалами суда над Багировым: 90 томов! Послали за подписью К.Федина ходатайство в Верховный суд, чтобы дали возможность азербайджанскому писателю «реализовать художественный замысел, отвечающий духу XX съезда»; получил отказ, устный, правда (не оставляют следов?); хорошо, что отказали: надолго б омрачил существование, померкли б краски мира.

... Из Дневника от 28 марта 1966-го: Мирза Ибрагимов рассказал, что в годы войны, в 1942-м, будучи наркомом просвещения, он предлагал отмечать там Новруз-байрам, дабы установить взаимопонимание с южно-азербайджанцами в Иране, где это государственный праздник, объявляющий начало нового года, красочно его проводить, в школах дарить подарки, и т.д. Просил дать ему газеты про Новруз в... Таджикистане, где все советские годы Новруз всегда отмечался на государственном уровне, газеты пестрели лозунгами: успешно встретим Новруз в преддверии – тогда – XXШ съезда партии.

Позднее нарушил официальное молчание Рахман Везиров: выступая в феврале 1957-го в Баку на партийном съезде (начало оттепели!) как первый секретарь комсомола республики, он предложил возродить забытые национальные игры («топ алды гач», «ох атма», «гюляш», «дирэ дёймя», «ат чапамаг»), отмечать, как русские – «масленицу», праздник Новруз-байрам, который не содержит в себе ничего религиозного. Предложения такие казались тогда донкихотством: Везиров Рахман рассказал мне, что во время перерыва ему советовали «впредь не делать политически незрелых заявлений». А первым, кто использовал данную ему власть, чтобы народ официально – не таясь – отмечал Новруз-байрам, был Шихали Курбанов, – он очень мало прожил, 41 год, – по его инициативе в короткую его бытность секретарём ЦК КП

Азербайджана по идеологии был снят официальный запрет на празднование Новруз-байрама, увы, на короткое время, с марта 1967-го по март 1969-го, и снова – запрет, введённый в памятные годы широко шагающего к коммунизму Азербайджана и отменённый лишь в 1989-м... Не могу в связи с этим не выразить негативного отношения к повсеместно укореняющейся моде вести отсчёт исторического времени в Азербайджане с 1969 года.

Мне представляется, что мало кто сегодня вспоминает Шихали Курбанова, хотя желал бы заблуждаться. Первая веха в его жизни – 1941-й: юнцом ушёл на войну, без царапинки вернулся – судьба, как у Булата Окуджавы... Потом вуз, русистика, «Пушкин и азербайджанская литература» на материале «Восточной элегии на смерть Пушкина» Ахундова; заведомо культуры ЦК, откуда турнули в 1958-м за «идеологические ошибки»: не сигнализировал в Центр о готовящемся включении в Конституцию в президентство Мирзы Ибрагимова статьи об азербайджанском языке как государственном; стал рядовым сотрудником Института литературы. Раболепствующие издевались над скинутым с высокого поста, но Шихали сумел переломить отношение к себе, занялся исследованием русско-азербайджанских связей, защитил докторскую, даже... открыл в себе дар драматурга, «сюжеты комедий в избытке даёт, – говорил мне, – наша реальность»... По истечении многих лет его назначили, случались такие неожиданности, аж секретарём ЦК по идеологии, и тотчас завияли хвостами те, кто вчера измывались над ним, – я был свидетелем подобных пресмыкательств. Словно предчувствуя, что всесильная эта должность дана ему на короткий срок, Шихали спешил сделать что-то важное и существенное, с чем и связана его инициатива с Новруз-байрамом. Нелепыми были тогда запреты, кстати, на пасху тоже, которым никто не следовал: бытовала программная концепция компартии, что социализм окончательно победит, когда ликвидируют в стране два пережитка, доставшиеся нам в наследство от феодально-капиталистического прошлого, – религиозные предрассудки и пьянство.

Поздравив меня по телефону с праздником, Шихали сказал: только что напомнил Рахману Везирову о десятилетней давности его выступления в защиту Новруза. А через пять дней, в день премьеры своей пьесы с роковым названием «Без тебя», Шихали велел родным идти в театр, а он... на минутку заглянет к врачу снять зубную боль; и вот его ждут, публика волнуется, но как начинать премьеру без автора? А Шихали... – укол врача, шок: моментальная смерть!

Поистине, как сказано, ранние смерти «не всегда по понятным причинам»: случайность? злой рок? чей-то умысел?

Дерзостные вольности Мирзы Ибрагимова... – вдруг от пьянящего оттепельного воздуха сессия В/совета Азербайджана в августе 1956-го по предложению председателя Президиума, или Президента, Мирзы Ибрагимова проголосовала за поправку в Конституцию, дабы противостоять процессам ассимиляции, что «Государственным языком Азербайджана является азербайджанский язык».

Точно бомба взорвалась: что началось!.. Всплеск популярности Мирзы Ибрагимова и, естественно, глухое недовольство верхов. Тогда случались казусы: на одном из собраний Кара Караев попросил говорить на удобном ему языке; но надо отдать должное великому композитору – признаваясь в слабом знании родного, сказал, что ему тяжело и обидно оказаться в таком положении; к Назыму Хикмету во время визита в Баку поступила записка: «Что думаете об азербайджанце-интеллигенте, который знает, но принципиально не желает на нём говорить?» Назым ответил уклончиво, вмешался Мирза Ибрагимов: «Такой человек, – сказал под гром

аплодисментов, – «аджлаф» («подлец»).

Своеволие завершилось оргвыводом – лишился президентской должности (хотя действо своё согласовал с непосредственным начальством – Ворошиловым, а ля Президентом всей страны). Впрочем, указы-поправки о государственном языке мало что значили: языковая ассимиляция была процессом необратимым. Так, при обсуждении брежневской конституции (часто меняется: у каждого главы – свои конституционные пристрастия) втихаря выкинули из некоторых республиканских конституций статьи о национальных языках как государственных. В Азербайджане и Армении пилюлю проглотили, а гордые грузины взбунтовались: интеллигенция высыпала на улицы, блокировав здание ЦК, Шеварднадзе в панике позвонил Брежневу, того на месте не оказалось, позвонил Суслову: «Народ взбунтовался? Введите танки!» У Шеварднадзе хватило ума дожидаться генсека: «Что? Хотят пункт о государственном языке восстановить? Так восстановите!» Потом центр, дабы «не обидеть» соседей грузин, предложил эти пункты и в их конституции вернуть, пустая ведь формальность: чем бы дитя ни тешилось!

В течение многих лет мы часто с Мирзой Ибрагимовым бывали в гостях у Азиза Шарифа, его друга (и переводчика романа «Наступит день») и моего научного руководителя по аспирантуре. Так совпало, что мы оба называли его Азиз-даи, «дядя Азиз»: он – полушутя, ибо моложе на шестнадцать лет, а я – всерьёз, ибо моложе на тридцать четыре, и Азиз Шариф иногда усаживал именитого гостя в кресле... Мамедкулизаде Мирзы Джалила, – «Вы оба Мирзы!», – привезенное из Тифлиса-Тбилиси, оно было высокое, с прямой ковровой спинкой, сидение тоже ковровое, широкие подлокотники, для чаепития, очевидно. «Тебе, автору первой монографии о нём, «Великий демократ», и сидеть в этом кресле», – выпренно молвил А.Ш. Не помню, с чего, но вдруг Мирза Ибрагимов заявил: – Вот вы говорите, и я вам вторю, согласно кивая, про режим, всевластие безнаказанной жестокости, сколь долго терпеть... Но признаюсь, никак не оправдывая всевозможные культы, что много ещё людей, – перевидал немало, оглянитесь кругом и увидите их, – которые утрачивают все человеческое, когда над ними нет разящего меча!

– Да, мыслишь диалектически! – ему Шариф.

Мирза смеётся: – Что иного остаётся потерявшему власть?

... Ещё из тогдашних моих записей.

К концу рабочего дня 10 марта 1965 года меня срочно зовут к Маркову, вхожу к нему в кабинет – он весь красный, побагровел аж, говорит по телефону с Баку, недоумеает: «Как убили?!» И – трубку мне: «Узнайте, что там у них в Баку стряслось?» Это Наби Хазри, секретарь СП, в панике кричит в трубку: «Убили Мехти Гусейна, прямо на заседании...» – и называет «убийц»: «Сулейман Рагимов!.. Мамед-Рагим!» Что за нелепость?! Марков мне: «Срочно летите в Баку!» Тут же новый звонок ему, уже по правительственному: Ахундов, 1-й секретарь ЦК. «Да, Вели Юсуфович, знаем...». И мы с Виталием Василевским, председателем Совета по азербайджанской литературе, кстати, переводчиком романа М.И. «Слияние вод», летим в Баку... ИЛ-18, сильная качка. Ночь. Встречает нас Юсиф Самедоглу. Холод. Ветер. Цепь новостей: заседание президиума долго шло, озлобленные нападки... Обсуждали дату съезда писателей, Мехти предложил декабрь, а полемисты – май, дабы скорее «избавиться» от него, а «грехи»: не обеспечил выход С. Рустама во 2-й тур претендентов на Ленинскую премию; С. Рагимов, что не поддержал его выдвижения на республиканскую

премию; «несправедливости» при распределении квартир; о докладе на съезде: те настаивали на содокладах – лишить его единоличного суждения о литературном процессе; о делегатах на съезд: выбирать из 3-х или из 5-ти? Мехти сказал: «По всем вопросам посоветуюсь с ЦК». Мамед-Рагим крикнул: «И мы пойдем с тобой!» «Нет, пойду я один!» – резко ответил Мехти... И в разгар спора – смерть. Наби Хазри тут же, на заседании президиума, ударил кулаком в грудь Рагимова, кто-то потянул Рустама за депутатский значок на петличке пиджака, крики ворвавшихся писателей: «Это вы убили Мюшфика! Гусейна Джавида!» Телеграммы генпрокурору Руденко, Вели Ахундову, в ЦК КПСС.

Утром были в доме Мехти. Истерика вдовы Фатьмы-ханым, говорящей сквозь слёзы, что якобы Сулейман Рагимов велел передать ей: «Пусть Мехти прекратит со мной интриговать, урейини партлатарам! [сердце его взорву]». Турецкое радио передало, что Мехти умер в результате «соз басгыны», «словесных атак». Слухи, что у кого-то из «недрузгов» Мехти на радостях играли музыканты.

Непривычная для Баку погода – снег, буран. Тело перевезли в Академию наук. Непокорная голова Мехти никак не ложилась прямо на подушку, я пробовал поправить, меня удивило, что голова теплая. Толпы и толпы... Всем хочется взглянуть на него в гробу: он уже знает больше нас, мудрость и вечность на челе. Во время гражданской панихиды плач в зале. При выносе тела Мирза Ибрагимов почувствовал себя плохо. Сел, попросил принести воды... После похорон (начальственно распоряжалась замминистра культуры Гюля-Гюльрух-ханым Алибекова) – поминки дома. Молодые хотят вручить петицию против С.Рустама, С.Рагимова и М. Рагима, их на похоронах не было, отсоветовали в ЦК идти, дабы не вспыхнула стычка, обстановка накалённая, между земляками (газахцами) Мехти и (гарабахцами) Рагимова. Потом были правительственные поминки с посещением кладбища. Страхнул, это тоже в моих записях, слой снега с портрета.

Утром 14-го марта обед у Мирзы Ибрагимова, ему поручено возглавить Союз писателей, а вечером – к Фатьме-ханым, он, как мог, терпеливо утешал её, вспомнил раннюю смерть Самеда Вургуну в 50 лет (а Мехти умер в 55 лет), «Надо жить, храня память...», что-то в этом роде.

Вышли от Фатьмы-ханым, и Мирза Ибрагимов мне... – то же, почти слово в слово, скажет мне по приезде в Москву Георгий Марков, точно подслушал собрата по перу: «По-дружески вам советую – не забывать, что вы кровно связаны со своей литературой, помните о завтрашнем дне республики и национальной литературы, вам в ней работать и жить, так что пишите отчёт один, по-совести, а Василевский подпишет...». Что ж, дельный совет [особенно в контексте всё и вся отменяющего «завтра»].

P.S.

Компьютер, подчеркнув красным слово «**по-совести**», предложил мне замену: «**по-советски**». Как ни странно, это, рассмешив меня, никак не удивило: во-первых, из общественного обихода сегодня ушли слова совесть или честь, а по-нашему – намус, виждан... – понятия, которым, кстати, следовал в жизни Мирза Ибрагимов, а во-вторых, ещё не до конца изжиты, признаюсь, и у меня тоже советские пережитки в освещении и трактовке лиц и событий тех лет.

zigni4@gmail.com